

(12.04.04)
(англ.)
Караченцов Николай

Николай КАРАЧЕНЦОВ:

«Я всегда живу между чем-то и чем-то»

(отец был превосходным рисовальщиком), совсем маленьким поступил в какую-то изостудию, участвовал в выставках, и один рисунок — то ли «Старик и море» назывался, то ли «Золотая рыбка» — попал даже в московский каталог, мне лет девять, кажется, было. И школьные тетрадки, и студенческие, особенно институтские мои конспекты, были в портретах, причем чаще с карикатурным уклоном — непрерывно изображал всех подряд: педагогов, однокашников, кто попадется под руку. И в театре первые годы тоже это существовало, потому что я и в тексте каждой роли постоянно что-то или кого-то подрисовывал. А потом потихонечку это стало уходить и ушло из потребностей, то есть перестало быть моей потребностью и необходимостью что-то все время чиркать. Раньше рука сама водила — сидел, подглядывал: вот как интересно, а сейчас такого нет. Но это еще ладно — вот то, что с чтением вопрос стоит уже не так остро, как раньше, — обидно, потому как раньше читал запойно, а теперь уже чувствую, что живу старым багажом.

— **Времени не хватает?**

— Абсолютно! Читаю-то я очень много, но читаю всякую дурь, то есть большей частью сценарии или пьесы — миллион антрепризных, которые я должен прочитать, чтобы отказаться или НЕ отказаться, но и отказываться приходится чаще, и для того, чтобы отказаться, все равно надо прочесть до конца, чтобы был предметный отказ, понимаешь? Ты сейчас скажешь: но все равно ведь много играешь, снимаешься — зачем тебе это надо? Денег, что ли, не хватает? Не в том дело. Все деньги на свете мне не нужны — только мои. И вообще-то склад души у меня не коммерческий, интересную роль могу и за символический гонорар сыграть, сам понижая свою ставку. К тому же, никакого агента, как у других, у меня нет, живу как при советской власти в этом смысле. Не в деньгах дело. Я вы-би-ра-ю работу! И готов согласиться на работу на стороне от родного театра только в одном случае: если пойму, что не могу этого не играть, не сыграю — так помру! А предложения поступают из антреприз не реже раза в неделю. Вот и приходится столько читать разной мути. А из «просто чтения»... Вот раздобыл себе Паоло Коэльо, все читали, я нет — надо же понять, что там всех так привлекает, но лежит, еще не читал. Та же история с Акуниным. Нет, его «Ахиллесову пята» прочитал и забыл! «По нужде» прочитал, как говорится. Зато открыл для себя прозу Окуджавы — книжку, которая когда-то почему-то мимо меня прошла: «Путешествие дилетантов», так было интересно, какой он в прозе. Но время, время... Хотя... Вот так и живу, как живу. И пусть меня будет поминать только одно поколение зрителей, ладно — зато ни в одном виде искусства нет такой, как в театре, возможности живого контакта со зрителем. За то и люблю свою профессию, никакую другую и знать не хочу.

— **Ты обещал что-то интересное рассказать про Монголию — как она переменяла твою судьбу.**

— А вот как переменяла. Я из-за нее бросил большой спорт. Ведь я к тому времени, мне лет 12–13 было, уже профессионально занимался прыжками в воду и был чемпионом Цент-

Третьего дня был Красноармейск, позавчера Новосибирск, вчера Барнаул, сегодня Москва, завтра Питер и так далее — со всеми остановками. Это никакой не образ, это реальное расписание жизни народного артиста России Николая Караченцова за неполную неделю. Именно сумасшедшее расписание не давало нам встретиться почти два месяца. А ведь и спектакли в Ленкоме игрались, и съемки шли, и читались сценарии и пьесы, а кроме всего прочего происходили турнир по теннису и ремонт в квартире, которыми Караченцов был озабочен нисколько не меньше, чем всем остальным. Потому разговор наш был не то чтобы на бегу — нет, но встретились мы почти ночью (правда, после меня, как выяснилось, было назначено еще одно свидание), встретились в Ленкомском кафе «ТРАМ», отгородившись от людей зеленой стеной из вьющихся растений, что, впрочем, ничуть не помогло, и раз десять за время нашей беседы к артисту подходили поклонники за автографами. Вот такая жизнь. Само собой получилось? Первый мой вопрос был, естественно, вот про эту самую жизнь нарасхват: не утомишься ли? Как хватает сил?

— Знаешь, ведь настоящий мужик в жизни только один раз имеет право сказать «нет больше сил». И умереть. Поскольку я на тот свет не тороплюсь, никто от меня таких слов не услышит. Меня так учили: нельзя мужчине соединять два слова: «я» и «устал». Так что устаю только от безделья. Скажем, когда уже готов полностью к съемке, а там свет устанавливают долго, массовку организуют, проблемы какие-то решают. Вот моменты ожидания — это тяжело. А бешеный ритм — нормально. Это востребованность, и я знаю, что многие актеры мечтают о такой жизни, так что жаловаться грех. Профессия наша такая: не мы выбираем, выбирают нас. Знаю популярного артиста, которому к юбилею выдали орден. А он пришел и сказал: «Заберите эту награду, лучше хлеба мне дайте, я жрать хочу». Это — невостребованность. Потому разговоры о том, что надо остановиться, не люблю. Хотя, если честно, иногда хочется отвалить куда-нибудь на край света и отдохнуть немножко. И тут же вспоминаю: моей работы никто за меня не сделает.

— **Да уж, тебе пожаловаться на невостребованность действительно грех. Что у режиссеров: я скачала в Интернете список твоих ролей — три страницы мелким шрифтом занял; что у прессы и у зрителей: посмотрела, насколько часто твоё имя возникает в сети. Знаешь, какой мне выдали результат поиска на слова «Николай Караченцов»? Страниц — 14 139, серверов — не менее 299, статистика слов — 66 442, запросов за месяц — 1061. Но у меня такое ощущение, что это все-таки больше профессиональная востребованность, что по жизни ты совсем не тусовщик, не мелькаешь на всяких презентациях, в клубах и так далее. Верно это?**

— Абсолютно верно. И даже само слово «тусовка» не терплю. Я компанейский человек, понимаешь разницу? Могу быть в разных компаниях, легко схожусь с людьми, нормально. Есть у меня близкие друзья — еще школьные, люди разных профессий: геолог, врач, военный, дипломат. Наши традиционные сборы — это святое, но все равно друзья иногда меня просто проклинаят, потому что празднование своих, скажем, дней рождения им приходится согласовывать не с календарем, а с моим расписанием. Зато они — самые строгие мои критики и главные гости моих премьер, их мнением очень дорожу и дружбой этой горжусь. Знаю: не дай Бог что-то случится — получаса не пройдет, собе-

рутся пять мужиков и помогут. Бывало так. И интересно, что в обмен самые близкие никогда ничего от меня не просят, несмотря на мои знакомства в самых высоких сферах. Даже в критических случаях. Это что касается «тусовки» и общения. Самое лучшее, если выпадет свободного времени кусочек, конечно, провести его дома, с семьей — с Людой, сыном, внуком, но не часто оно выпадает-то.

— **А ты по дому что-то делаешь? Умеешь? Кран водопроводный починить, полку прибить?**

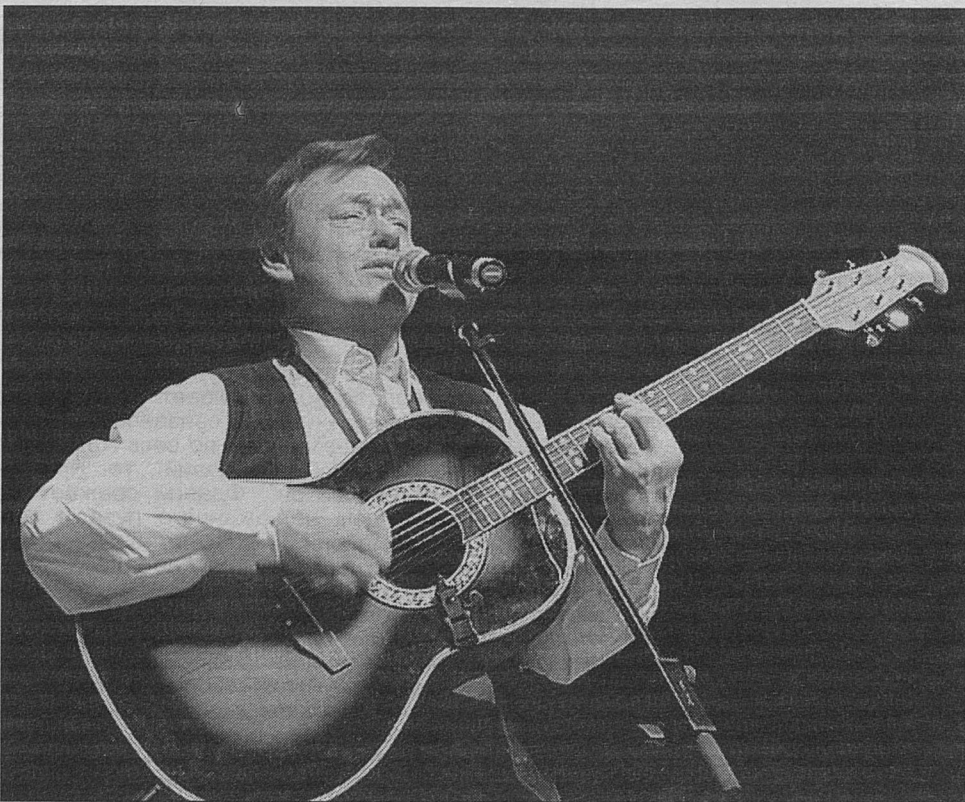
— Ни-че-го! Более того. Чего-то когда-то пытался делать: гвозди какие-то забивать, потом еще пробовал вспомнить из школьного курса, как всякие провода электрические соединять: плюс, минус, там... Но к какому-то времени решил, что специалист это сделает гораздо лучше, чем я. Я денег заработаю, придет человек и сделает это качественно. Да и работы наворот такой, что вроде бы и не до того. Так что если вдруг сын, Андрей, видит меня случайно на даче с лопатой или граблями, то начинает орать: «Давайте аппарат, этот исторический кадр снять надо: папа физическим трудом занялся!» Честно говоря, я очень ленив, хотя иногда все-таки заставляю себя делать то, к чему рвения нет. Если действительно надо.

— **Мама у тебя была балетмейстером, отец — художником. От мамы гены явно передались, от отца — не**

знаю, ты рисуешь? И вообще — то, что ты стал актером, идея «родом из детства» или как-то иначе все было?

— Мама, Янина Евгеньевна Брунак — мой самый большой друг по жизни. Царствие ей Небесное, — действительно была сначала балериной, потом балетмейстером. Когда я родился, она заканчивала ГИТИС, и все мое детство прошло либо на занятиях в ее институте, либо в разных музыкальных театрах. Она работала не только в Москве, но и в Казани — дипломом ее, девочки совсем, стал там целый большой спектакль, балет «Шурале», причем прошел он с огромным успехом, в Улан-Баторе (я туда с ней ездил, и с этим большие перемены в судьбе у меня связаны, сейчас расскажу), в Сирии, во Вьетнаме. И я с раннего детства мечтал именно о балетной сцене: в Большом-все балеты пересмотрел, и считал, что для мальчика лучшего занятия, чем стать танцовщиком, не может быть. Но у мамы хватило мужества и мудрости сказать, что, мол, извини, был бы девочкой, отдала бы в училище, а так — ни за что! И слава Богу, и очень правильно сделала, потому что — хотя мне СНИЛОСЬ, как я танцую! — ничего хорошего из меня в той профессии не получилось бы, это ясно, а тяга к пластике, которую мама не глушила, очень помогает в профессии нынешней.

А рисовал я тоже с самого детства

ральной спортшколы СССР. И стали тогда меня тренеры отговаривать: ну, что ты поедешь, там вокруг одни монголы и вообще ничего нет, а тут останешься, поступишь в интернат, мы сейчас в Финляндию поедим, это значит — форма, это значит — сборы, это значит — талоны всякие, другая жизнь. Но опять все мама правильно сотворила. Потому что мальчик, с которым я тогда вместе занимался и который занял потом третье место по прыжкам в воду на Олимпиаде где-то в Канаде, — я видел его, он продавал пиво в баре. И еще — почему правильно? Когда мы вернулись из Улан-Батора через два года, нет, когда еще год после этого прошел, а я тогда за футбол болел тоже профессионально: ходили всем двором, причем не за пятнадцать минут до начала игры, а за два часа — смотрели разминку команды, я наизусть знал всех игроков, спартаковский болельщик был, но и противников знал также, и восторгался Стрельцовым или Ивановым, когда они играли. Так вот. Приехал я как-то в Лужники — рано приехал, еще ни футбола, еще ничего вообще на стадионе не было, а рядом — бассейн. Пошел, смотрю — соревнования по прыжкам в воду. Сел в последний ряд, и стал мысленно ставить оценки каждому спортсмену и сравнивать, насколько они совпадают с судейскими, ну и радовался, что совпадают, и не заметил, как минут через десять уже сидел в первом ряду. Опустил голову и увидел тренера своего! Он и говорит: завтра в девять на тренировку. Я ночь не спал, гладил плавочки свои и пришел на тренировку. Ну, я кручу, все делаю, но вижу, что дети, которым по десять лет, это делают лучше. И тренер речет: ну ты же давно это делал! И я понял, что в то время, когда растет организм, я очень сильно потерял темп, как говорят шахматисты. И как отрубил. Больше никогда не возвращался к прыжкам в воду, хотя они до сих пор мне помогают: я растянут, я координирован, это все отсюда. Ну, а кое-что и от тенниса, конечно. Я им в 13 лет увлекся.

— Долгий у тебя стаж! Говорят, с Ельциным сражался когда-то?

— Было дело, в 94-м году: в турнире "Большая шляпа" тогда главным призом объявили игру с президентом. И никто в это не верил. Я в турнире играл в паре с тележурналистом Борисом Ноткиным, и мы всех обошли. И вот вдруг звонят из администрации президента: "Удобно ли вам играть тогда-то?". Было удобно, но на игру я опоздал. Никакого страха перед соперниками (а с Ельциным в паре был Тарпищев) или зажима мы не испытывали, хотя "весовые категории" были не сравнить — из-за Тарпищева, конечно, просто гениальный теннисист. И проиграла весьма достойно, то ли 6:3, то ли 6:4.

Но теннис-то ведь не для того, чтобы с великими мира сего играть. Теннис сам по себе — великий вид спорта,

он игровой, он классный. Для меня сейчас лучше нет вообще (мы с сыном играем в паре), это просто сказка — чего говорить! Теннис — отдушина для меня, он освобождает от переутомления, с ним ты всегда в тонусе, да еще и какое удовольствие при этом получаешь! В игре ведь забываешь обо всех неприятностях, это лучшее лекарство от стресса. Даже лучше автомобиля.

— А ты лихач? Обо всех своих увлечениях так азартно говоришь, наоборот, и на дороге не из самых примерных водителей?

— А вот тут ты не права! Если официально, я водитель категории "В", без права работы по найму, то есть вожу неплохо. Водить начал раньше, чем получил права: надо было для ролей, меня и учили водители киногрупп понемножку. Но, когда пришло время машину купить, пошел как маленький в школу и занимался там, не смотря на жуткую, загрузку планомерно и прилежно. Потому что понимал, насколько опасна дорога, понимал, что в моих руках будет судьба семьи, ребенка. Это было еще в 70-х, но как тогда, так и сейчас, правила соблюдаю строго и никогда не поеду на красный свет, даже ночью. Боюсь избаловать себя и потерять бдительность в критический момент. Раз, два пронесет, а на третий... И единственное нарушение, которое чрезвычайно редко и только в силу обстоятельств себе позволяю, — превышение скорости. Кроме всего прочего, еще и всегда держу в уме эдакого стража закона (хотя никогда среди гаишников такой мне не попадался), который скажет: "Ах, ты артист? Знаешь, что все тебя любят, и потому ведешь себя черт знает как? Ну и накажу тебя так, чтобы другим неповадно было!" Стыда ведь не оберешься. И еще никогда не езжу "наперегонки": лучше уступлю дураку дорогу, иначе себе дороже выйдет.

— И сын у тебя такой же разумный? Кстати, как получилось, что ребенок из актерской семьи (Люда — заслуженная артистка России, да?) стал юристом-международником? Такой неожиданный поворот.

— Он не стал юристом-международником, хотя действительно закончил МГИМО. А получилось как? Ну, в первых, у нас никогда и не было ощущения, что он болен театром — как я был болен балетом. Рос, как нормальный мальчик, что-то нравилось, что-то не нравилось, и до последнего года не знал, куда будет поступать. С актерской профессией у него как было? — Пап, а чего эта женщина тебе бумажку протягивала? Я говорю: взяла автограф. — Почему? — Я говорю: потому что я артист, работаю в театре и кино, и она меня видела, и она меня вроде как полюбила как артиста. — Я тоже хочу быть артистом! — Я говорю: правильно, сынок, интересная профессия. А представь на секунду: на Северном полюсе у полярника аппендицит. И никто не может по-

мочь, только один великий врач в Москве. Его сажают в реактивный самолет, он туда прилетает, делает операцию и спасает человека. — Я хочу быть врачом тоже! И вот тут во-вторых: я понял, что моя как отца обязанность — открыть перед ним мир. Вот если он себя в этом мире угадает, то счастливый человек, а я вдвойне, потому что он себя угадал. Но я с этой задачей не до конца справился. Мне кажется, Андрей пошел в институт этот за компанию: туда Ванечка Панфилов (сын Инны Чуриковой и Глеба, они с детства дружат, у них разница в возрасте две недели) на год раньше поступил, туда многие его школьные друзья пошли. Именно в МГИМО и именно на международное право. Можно было пройти по блату, но мы и репетиторов нанимали, и сам он готовился, как лошадь, и только на одном экзамене получил тройку, остальные пятерки, нет, где-то еще четверка затесалась, но все равно был проходной балл. А он не успокоился, сам подавал протест против этой тройки, аргументировал и выиграл. Дотошен до противности и сейчас тоже. Ему 25 лет, женился, жена — медик, слава тебе Господи, сыну год.

— Коля, конечно?

— Внук-то? Нет, Петр. Кто-то сказал, что нехорошо называть в честь живущих, но я знаю массу Николаев Николаевичей или Владимиров Владимировичей, у которых все в большом порядке. Но я и сам не очень хотел, чтобы был некий мой культ: ой, вот у нас Колянька весь будет в дедушку. Пусть будет сам в себя. Хотя порою — моя: дырка между зубами, и мощный такой, здоровый, будка — в три раза моей шире. Хороший мужик, только видимый, жаль, редко. Но ты спрашивала об Андрее. Так вот — не стал он международником и тут поступил по-своему. Год стажировался после института в Коллегии адвокатов Москвы, у Резника. Я как-то тогда Генри встретил, он говорит: у вас хороший мальчик. Я говорю: врите, чтобы мне было приятно! — Правда! А мне было действительно приятно слышать. И нравится, что сын хочет быть адвокатом, его больше всего интересуют арбитражные суды, но он считает, что не зря закончил МГИМО, потому что знание языков и международного права даст ему более широкие возможности при работе здесь, а ехать туда никакого интереса нету. Не хочет дом покидать. И это приятно тоже.

— Вот на свою семью, говоришь, времени не хватает, а общественной деятельностью занимаешься — только посматреть количество конкурсов, где ты член жюри или даже председатель, и еще...

— Стоп! Из всех конкурсов меня интересует только один — актерской песни имени Андрея Миронова, им, одним-единственным, я занимаюсь. При том потоке дерьма, пошлости, бездарности, который падает сейчас с эстрады и с экрана на глаза и уши зрителей (ведь ушли худсоветы и теперь кто заплатил, тот и поет), здесь, в этом конкурсе — будто глоток свежего воздуха. Потому я с основания его президент, потому я так хочу, чтобы это не умирало.

И второе, чем стараюсь заниматься, сколько могу, — Школа искусств в городе Красноармейске, она называется Школа Николая Караченцова, так что тут ответственность особая. А основал ее и бесценно руководит ею, и пашет как вол, мой товарищ, каскадер Коля Астапов. Помнишь картину "Человек с бульвара Капуцинов", драку?

— Еще бы! Такое разве забудешь?

— Там каскадеров трудно запомнить, но есть два момента. Когда я такой трюк делаю: выпрыгиваю и ногами отворачиваю голову вниз одному — это Коля, и потом, когда уже идет такое сумасшествие, все друг друга метелят, и один человек, пьяный, избитый, пытается застегнуть пуговицу, вроде как остаться джентльменом — это тоже он. Отличный парень, все умеет делать, мастер спорта по многим видам. И человек абсолютной порядочности и самоотдачи. Так вот, лет семь назад он пришел ко мне с просьбой помочь: хочу, говорит, создать лучшую в мире Школу искусств.

Понимаешь, больно и обидно смотреть на наших актеров — неспортивные, дряблые, а я хочу, чтобы у нас были свои Бельмондо, и для этого надо ребят учить сизмальства, ведь за четыре года в институте ничего не успеешь, только по верхам. Я понял, что он где-то прав: не случайно ведь нашему делу во времена императорских театров учили с 9 лет, и только на последнем году обучения высокая комиссия решала: ты поешь — тебе быть Неждановой, тебе быть Мочаловым — станешь играть в драматическом театре, а тебе быть Нижинским — будешь танцевать. Но! До конца жизни все они делали балетный станок, все владели музыкальной грамотой, все знали, что такое актерское мастерство и так далее. Ну, и согласился. Так это началось. А теперь ребят Колиных из ШИКа уже знают во многих странах, куда они ездили на гастроли, теперь мы пробиваем для школы землю, чтобы построить достойное здание с интернатом, с манежем для выездки лошадей, классами и такое все прочее. Сам я не очень-то люблю детское творчество, вернее, спекуляцию на нем: знаешь, когда куколка встает на табуретку и стишки читает. Но здесь все чисто, здесь — без спекуляции. Дети настолько артистичны, заразительны, такие сложные вещи делают на сцене. Коля — гениальный педагог, и вот этого дела, какая бы ни была нагрузка, я тоже никогда не брошу.

На юбилейном вечере Марка Захарова, главного режиссера Ленкома, театра, где шла, идет и будет идти основная творческая жизнь актера, Николай Караченцов выступал вместе с детьми из Красноармейска, они открывали вечер. Выступление было блестящим, но степ у ребят пока получается лучше, чем у народного артиста. Правда, он учится у них степу всего-то второй год. Но это и замечательно: это значит, что жизнь не останавливается, что у Караченцова еще много чего впереди и что он не потерял того главного, о чем сказал мне в самом конце беседы, отвечая на вопрос, чувствует ли он в себе еще что-то от ребенка, каким был когда-то.

— Во всяком человеке, особенно в художнике, должен жить ребенок. Хотя я знаю людей, которые в детстве уже старики, и знаю стариков, которые остаются детьми, и это прекрасно. Как Татьяна Ивановна Пельцер — она была самым молодым человеком в нашем театре. Это восприятие мира. Почему я считаю, что художник должен сохранять в себе детскость? Понимаешь, открытия ведь совершаются там, где человек делает то, что не положено. Ребенок это делает, потому что еще не знает, что положено, а что нет, а взрослый уже знает, и во многих случаях, куда "не положено", — не пойдешь. А давай — попробуй, пойдешь. Вот это ощущение, мне кажется, должно оставаться навсегда.

— Ты сам чувствуешь, сколько тебе лет?

— Еще нет. Знаю, но не чувствую. И иногда думаю: ой, подожди, надо быть солидным, но не получается, все время куда-то бегу, могу иногда продержаться солидным часом два, а потом опять назад. К этой детскости. И она мне помогает. Когда-то я поставил себе неисполнимую задачу: научиться в своей профессии делать все. Вот потому и степу начал учиться. Я понимаю, что никогда до этого не дойду, но буду всегда к этому стремиться. Хотел и хочу быть первым артистом в мире! А если чего-то не умеешь, то — как? Пусть это не получится, но надо ставить себе задачу максимальную, иначе мы разменяемся, иначе мы привыкнем — и так сойдет.

Беседовала
Наталья ВАСИЛЬКОВА

Экран и сценарий —